

Л. Ю. Панина

**СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ПЕДАГОГИКИ КАК НАУКИ
И УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА
В СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
НАУКЕ ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА**

УДК 37(091)

ББК 74.03(2)61

В статье рассмотрены вопросы становления истории педагогики как науки и учебного предмета в советский период развития отечественного образования. Эта проблема стала дискуссионной с момента восстановления в правах педагогики в Постановлении «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936 г.). История педагогики также рассматривалась как идеологически важная дисциплина. Вследствие этого возникла необходимость ее теоретико-методологического обоснования. В данной статье приводится аналитический обзор дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Советская педагогика» в довоенное время.

Ключевые слова: Советская педагогика и образование; история педагогики; журнал «Советская педагогика».

L. Y. Panina

**THE FORMATION OF THE HISTORY
OF PEDAGOGICS AS A SCIENCE
AND EDUCATIONAL SUBJECT
IN THE SOVIET PEDAGOGICAL SCIENCE
OF THE PRE-WAR PERIOD**

The article deals with the formation of the history of pedagogics as a science and educational subject in the Soviet period of development of national education. This problem became debatable from the moment of restoration in the rights of pedagogics in the Resolution «On pedological perversions in the system of Narkompros» (1936). The history of pedagogy was also seen as an ideologically important discipline. As a result, there was a need for its theoretical and methodological justification. This article provides an analytical overview of the discussion that unfolded on the pages of the journal «Soviet pedagogics» in the pre-war period.

Key words: Soviet pedagogics and education; history of pedagogics; journal «Soviet pedagogics».

Обращение к педагогическому прошлому необходимо, так как оно нуждается в адекватном объяснении, осмыслении, именно через это можно наметить основные векторы интерпретации современных вопросов образования. Советский период развития отечественного образования является неотъемлемой частью нашего педагогического прошлого. В это время были заложены теоретико-методологические основания педагогики, которые и сегодня остаются базисом теории и практики образования.

Не является исключением и история педагогики, изучению которой в советский период придавалось важное идеологическое значение. Становление и системное оформление истории педагогики как раздела науки и учебного предмета в советское время не было простым и однозначным, несмотря на превалирование классового подхода в науке, который отвергал другие точки зрения. Наиболее рельефно данная полемика представлена на страницах журнала «Советская педагогика», который являлся флагманом педагогической науки. Для более полного раскрытия этих вопросов рассмотрим историко-политический контекст данного периода.

Международная ситуация в 1930-х гг. (приход к власти фашистских режимов в Италии, Германии, Испании), изменения во внутренней политике СССР (укрепление авторитарной власти Сталина, политические процессы, репрессии, подготовка к войне) во многом повлияли на смену государственного идеологического вектора: произошел отказ от идеи

мировой революции, начался поиск национальных основ советской власти (возвращались многие имена деятелей культуры, пересматривались события русской истории и пр.), интернациональное воспитание постепенно заменялось военно-патриотическим. Во многом этому способствовали принятая в 1936 г. Конституция СССР и «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), которые дали толчок для нового витка пропаганды.

В этот период происходит государственный разворот к истории, ее переосмысление и возвращение в школу. Объявлен конкурс на создание первого учебника по истории СССР, для работы над которым было привлечено несколько групп ученых, а некоторые историки (Е. В. Тарле и др.) по этому случаю были даже восстановлены в правах. Сначала вышел конспект учебника, который был подвергнут жесткой критике И. В. Сталиным, С. М. Кировым и А. А. Ждановым в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по “Истории СССР”» и «Замечаниях о конспекте учебника “Новой истории”». Это говорит об усилении государственного влияния на образование, заинтересованности власти в стабильности учебного процесса и контроле над развитием науки.

Новый этап развития советской педагогической науки и образования в конце 1930-х гг. связан с принятым в июле 1936 г. Постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», в котором подверглась резкому осуждению педология как антимарксистская

лженаука, а педагогику и педагогов предлагалось «восстановить полностью в правах»¹. В апреле 1937 г. 1-е Всероссийское совещание по педагогическим наукам подвело итоги реализации партийных решений и наметило дальнейшие перспективы развития педагогики.

В июле 1937 г. был создан журнал «Советская педагогика», который стал «средоточием научно-педагогической мысли в стране»². Несмотря на то что среди основных направлений работы нового издания были политически обусловленные цели, например: «реализация исторических решений партии и правительства в школе», «марксистская разработка всех важнейших педагогических проблем, содействие глубокому изучению Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина»³ и пр., журнал прежде всего восстанавливал в правах педагогику и создавал новую советскую педагогическую науку.

В центре внимания авторов журнала, особенно в его первые годы, были наиболее актуальные вопросы школьной практики: воспитательная работа, повышение успеваемости, преодоление второгодничества и пр. Однако вопросы становления советской педагогики как науки также были не менее важными в свете принятых в 1931–1936 гг. постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о пу-

тях становления и совершенствования советской школы и педагогической науки.

Наряду с педагогикой происходило восстановление в правах и истории педагогики. Так, уже в первом номере «Советской педагогики» в статье «О задачах журнала» в числе других была поставлена задача критического анализа «буржуазного педагогического наследства»: «С одной стороны, мы имеем голое и абсолютное отрицание возможности использования буржуазного наследства, особенно в области дидактики, а с другой — некритическое перенесение в наши советские условия самых реакционных буржуазных теорий (педология, метод проектов, тесты и т. д.). Вопрос о правильном использовании историко-педагогического наследства как отечественного, так и западноевропейского на основе указаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова является очень важной, ответственной задачей. Журнал наш обязан развернуть работу в этом направлении и одновременно содействовать созданию истории педагогики народов СССР»⁴.

Именно в этом направлении и стала разворачиваться работа. По содержанию публикаций условно можно выделить два периода в становлении истории педагогики как учебного предмета и научной дисциплины.

¹ О педологических извращениях в системе Наркомпросов // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А. А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974. С. 174.

² О задачах журнала // Советская педагогика. 1937. № 1. С. 10.

³ О задачах журнала // Советская педагогика. 1937. № 1. С. 12.

⁴ Там же. С. 12–13.

Первый, довоенный (1937–41 гг.), связан с первоначальным накоплением информации, обсуждением программ, учебников, а также самого предмета истории педагогики, характер статей часто эмоционален, ярко прослеживается образ автора.

Во втором, послевоенном (1947–49 гг.) периоде статьи более выдержаны, их содержание отличает большее теоретизирование и методологическая направленность. Однако все публикации имеют очевидную идейно-политическую и идеологическую составляющую. Отметим, что в военное время журнал не прекращал своей работы, но интересующая нас тематика была затронута только в статье Г. Е. Жураковского «Некоторые вопросы преподавания истории педагогики» (1943, № 11–12).

В указанные периоды было опубликовано около 30 статей, касающихся различных вопросов преподавания истории педагогики, а также связанных с обсуждением самого научно-методологического аппарата данного раздела педагогической науки. Авторами статей, как правило, выступали наиболее авторитетные ученые в этой области: Н. А. Желваков, Г. Е. Жураковский, Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева и др.

Рассмотрим специфику публикаций довоенного времени.

В одной из первых статей, посвященных преподаванию истории педагогики, В. И. Чистяков описывает

требования, необходимые для данного курса: «в основу работы по истории педагогики должны были положены указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова, данные ими в “Замечаниях на конспекты учебников по истории СССР и по новой истории”», необходимо, «чтобы курс истории педагогики прививал диалектико-материалистический взгляд на воспитание и образование» и «обеспечивал действительное овладение мировой педагогической культурой, критическое усвоение и переработку буржуазного педагогического наследства»¹.

Далее автор подвергает критике изданную Наркомпросом РСФСР в 1936 г. программу по истории педагогики для педагогических училищ (сост. В. Желваков). В качестве основных ее недостатков указываются несоответствие установленной в «Замечаниях» периодизации Нового времени для гражданской истории, недостаточное внимание педагогам-материалистам и борьбе между материализмом и идеализмом с точки зрения марксизма, недооценка педагогического учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Отметим, что уже в этой первой статье намечены основные проблемные места в преподавании истории педагогики, которые будут рассмотрены в трудах других авторов и сохранят свою актуальность в советской историко-педагогической науке спустя годы.

Прежде всего встал вопрос о задачах истории педагогики, которые, ис-

¹ Чистяков В. И. К вопросу о программе и преподавании истории педагогики в педучилищах // Советская педагогика. 1937. № 4. С. 99.

ходя из программы 1936 г. для педучилищ, состояли в следующем: «последовательное изучение важнейших событий и фактов истории воспитания и образования, критическая переработка теоретического наследства буржуазной педагогики, учет достижений теории и практики советской школы. Значение историко-педагогических знаний в деле конкретного подхода к проблемам теоретической педагогики»¹. Данные задачи, по словам В. И. Чистякова, «лишь частично соответствуют подлинным задачам современного курса истории педагогики», так как он не дает знания «материалистической, большевистской, т. е. подлинно научной истории педагогики, знания диалектико-материалистического учения о воспитании и образовании»².

Здесь необходимо вспомнить о главном принципе истории педагогики, который прослеживается во всех статьях данной тематики, — партийности. Педагогика всегда была связана с философией. В основание советской педагогики положена марксистско-ленинская философия, а она, по словам В. И. Ленина, всегда партийна, поэтому история педагогики, «непосредственным образом связанная с философией и ее историей, так же партийна, как и философия»³. Ее партийность заключается в том, что «она провозгласила принципы большевизма в воспитании и образовании и борется за неуклонное их осуществление». Партийность состоит также в том,

чтобы «на основе марксизма-ленинизма педагогическое наследство, созданное в условиях капиталистического строя, критически усвоить и переработать в интересах построения советской школы»⁴.

Однако, отмечал автор, такой критической переработки буржуазного педагогического наследия еще не сделано, хотя это необходимо для правильного овладения мировой педагогической культурой, для развития и укрепления советской школы и теории педагогики. В. И. Чистяков находил в данной работе следующие пороки:

— некоторые историки педагогики вместо настоящей критики становятся апологетами буржуазной педагогики, механически перенося их учение в теорию и практику советской школы (например, теория отмирания школы);

— есть и другая крайность: многие историки педагогики отгораживаются от педагогического наследия, критически не перерабатывают, а только его отрицают;

— имеющиеся попытки критической переработки буржуазного педагогического наследия проходят в отрыве от практики советской школы;

— основной порок заключается в том, что на изучение истории педагогики сильно повлияла историческая школа Покровского. Его главный тезис: «история — политика, опрокинутая в прошлое», — переносился и на историю педагогики, поэтому ученые оценивали деятельность педагогов

¹ Там же. С. 101.

² Там же.

³ Чистяков В.И. К вопросу о программе... С. 101.

⁴ Там же.

прошлого под углом зрения современной действительности (например, что он (т. е. классик педагогики) сделал для советской школы?), и, как следствие, часто необъективно зачислялись в разряд тех, у которых нечему учиться. Соответственно, значение педагогов мира принижалось, а критическая переработка их педагогического наследия не стимулировалась.

Указанные пороки и противоречия в изучении истории педагогики, особенно зарубежной, и в дальнейшем вызывали горячие дискуссии среди исследователей.

В № 10 за 1938 г. опубликованы Проект программы¹ и объяснительная записка к программе по истории педагогики для пединститутов, в которой были учтены замечания, представленные педагогами. В основу положены следующие принципы: партийности, использования (при критической переработке) прогрессивных достижений педагогической мысли прошлого, вооружения будущего педагога педагогическим мастерством и вооружения его на борьбу с извращениями в области педагогики². «Задача истории педагогики показать, как развивались на различных этапах жизни человечества педагогическая жизнь и школа; выяснить, что марксистско-ленинская педагогика использует все наиболее ценное, что имелось в разви-

тии педагогической мысли и школы»³. Отметим, что постановка задач и определение предмета истории педагогики в дальнейшем активно обсуждалось на страницах журнала.

Кроме того, важным является требование строить курс таким образом, «чтобы он не превращался в ряд не связанных между собой, самодовлеющих тем, следующих друг за другом только в хронологической последовательности. Нужно четко показывать, как каждая педагогическая система и состояние школы на каждом этапе ее развития обусловлены классово-вой борьбой своего времени»⁴. На всеобщую историю отводится 46 ч. (57,5 %), на историю педагогики СССР — 34 ч. (42,5 %). Следуя установленной СНК СССР и ЦК ВКП(б) периодизации гражданской истории, всеобщая история педагогики также делится на 5 периодов: педагогика древнего мира, педагогика средних веков, педагогика нового времени (от французской буржуазной революции XVIII в. до Парижской коммуны), педагогика в период от парижской коммуны 1871 г. до конца мировой войны (1918 г.), педагогика после мировой войны. При этом в Объяснительной записке подчеркнуто, что останавливаться на педагогических системах Коменского, Локка, Руссо, Песталоцци, Гербарта,

¹ Проект программы по истории педагогики по истории педагогики для педагогических институтов // Советская педагогика. 1938. № 10. С. 86–93.

² Медынский Е. Н. Новая программа по истории педагогики // Советская педагогика. 1938. № 10. С. 81.

³ Объяснительная записка к программе по истории педагогики // Советская педагогика. 1938. № 10. С. 83.

⁴ Там же.

Фребеля, Дистервега нужно подробнее, подчеркивая в них много ценного, а буржуазную педагогику после 1871 г. необходимо излагать кратко, так как это период «начала загнивания капитализма и упадка буржуазной культуры»¹. В последнем разделе зарубежного периода вообще необходимо показать студентам дальнейший рост реакции в буржуазной педагогике, разгром науки, культуры и школы в странах с фашистским режимом.

Изложение истории педагогики СССР должно было быть проникнуто советским патриотизмом и любовью к социалистической родине, вестись «в духе любви к великому русскому народу, показа его творческих сил, уважения к замечательным русским педагогам прошлого времени, ненависти к царизму, угнетавшему многочисленные народы, населявшие Россию»². История педагогики СССР также содержит пять разделов: просвещение в Киевской Руси и Московском государстве (X—XVII вв.), просвещение в России в XVIII и 1-й половине XIX в., педагогика 2-й половины XIX в., народное просвещение периода первой и второй буржуазно-демократических революций, главнейшие этапы развития теории и практики советской школы. Заметим, что хронологически последний раздел продолжается вплоть до текущего времени и включает рассмотрение истории педагогики, т. е. практически нет какого-нибудь

временного промежутка, отделяющего сегодняшний момент от прошедшего, современная педагогическая ситуация сразу становится историко-педагогической.

Большое внимание уделено в программе истории школы, а именно: школьному законодательству, особенностям организации школы, содержанию и методам ее учебно-воспитательной работы.

Основными выводами, к которым должны были прийти студенты, стали следующие: буржуазная педагогика более прогрессивна по сравнению с феодальной, несмотря на ее реакцию, начиная со 2-й половины XIX в., учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина о воспитании, «будучи построено на единственно правильных основах диалектического материализма, является вершиной развития педагогической мысли»³, а революция открыла возможность такого расцвета культуры и школы, какие невозможны в капиталистических странах.

Подробный анализ данной программы обусловлен тем, что в дальнейшем план преподавания истории педагогики практически не менялся, были внесены только небольшие коррективы в соответствии с развитием образования и изменениями в общественно-политической жизни страны. При этом общий идеологический пафос и принципы изложения остались прежними (об этом свидетельствуют дискуссия о преподавании истории педагогики в послевоенное время,

¹ Там же. С. 84.

² Объяснительная записка... С. 84.

³ Там же. С. 85.

которая также нашла отражение на страницах журнала, и один из последних, вышедших в советское время учебников по истории педагогики под редакцией Н. А. Константинова, Е. Н. Медынского, М. Ф. Шабаевой (1982 г.)).

Несмотря на то что официальная педагогическая наука словно «закостенела» (особенно в 1960–70-е гг.) статьи довоенного времени, не отходя от общего идеологического настроения, все же отличаются более живым изложением, часто дискуссионным, содержат критику, призывают к размышлению (и это касается не только истории педагогики). Большое обсуждение вызвал и упомянутый выше проект программы.

Так, анализируя проект программы, профессор Н. А. Константинов в качестве положительных сторон приводит следующие: следование периодизации Сталина в отношении истории, перестройка главы о Марксе и Энгельсе, увеличение часов на изучение истории педагогики СССР, введение раздела о советской школе, включение разделов по истории школы и пр.¹ Однако ученый указал и на ряд недостатков, среди которых вульгаризация прошлого, несвязанность разделов программы, их прерывистость, недостаточная глубина некоторых тем (история нерусских школ и т. д.) и пр.

На наш взгляд, основным недостатком, который практически не был преодолен при изучении истории педагогики в советское время (о чем говорит и дискуссия в послевоенное время), является разрозненность, отрыв одного раздела от другого, отсутствие диалектической взаимосвязи и обусловленности в развитии теории и практики. Не всегда удавалось «вписать» принцип партийности и классовой борьбы в контекст изложения материала. Это приводило к тому, что нередко полностью отвергалось, огульно осуждалось то или иное учение, как классово нестойкое. На это указывал и Н. А. Константинов, ставя в пример игнорирование взглядов Лая и Кершенштейнера.

Кроме того, профессор указывал и на нарушение хронологической последовательности, которое происходит из-за различного типа подачи материала: сначала рассказ о персоналиях, а затем история школы, что во многом искажает логику исторических предпосылок для какого-либо педагогического учения. Н. А. Константинов также предлагал внести в программу и новый материал, накопившийся с 1936 по 1939 гг.

А. Н. Веселов², опираясь на типовой учебный план, освещал опыт Московского педагогического института им. К. Либнехта по проведению практических занятий по

¹ Константинов Н. А. Некоторые замечания к проекту программы по истории педагогики для педагогических институтов // Советская педагогика. 1939. № 5. С. 60–64.

² Веселов А. Н. Практические занятия по истории педагогики // Советская педагогика 1938. № 11. С. 87–91.

истории педагогики, на которые предусмотрено 20 часов. Всего предлагается 6 тем для изучения: педагогические учения Коменского, Руссо, Песталоцци, Дистервега, Ушинского, а также Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Каждая тема разбивается на подтемы для составления письменных докладов (на 30—40 минут), которые затем заслушиваются и обсуждаются. Затем проводится коллективное обсуждение (конференция) по вопросам семинара. После этого преподаватель делает подробное заключение, в котором дает характеристику докладом. В качестве литературы автор статьи рекомендовал использовать первоисточники, названия которых он приводит. Эта рекомендация связана в том числе и с нехваткой учебной литературы по истории педагогики. Отметим, что подобная методическая работа на практических занятиях сохранилась и сегодня во многих педагогических образовательных учреждениях.

Подробному анализу подвергается и программа по истории педагогики для педучилищ. Весьма эмоциональна в этом плане статья М. Н. Любимцева¹, который критически оценивал вышедшую программу. Прежде всего обращает на себя внимание огромный объем материала, предлагаемый авторами для изучения в педучилище. В 78 часов истории педагогики включено все по принципу «как бы чего не упустить». Отсюда

беглость, поверхностность изучения, отсутствие положительных знаний. М. Н. Любимцев, сопоставляя данную и вузовскую программы, писал о перегруженности первой и отличии методов преподавания в вузе и в училище. Резюмируя, автор помимо указанных (сокращение и одновременное углубление программы), дал следующие рекомендации: полнее показать влияние классовой борьбы на развитие теории и практики воспитания и образования, представить взаимосвязь данных категорий, показать, что может быть взято ценного у рассматриваемого буржуазного педагога и использовано советской теоретической педагогикой и практикой воспитания. Необходимо также дать конкретный указатель литературы из-за отсутствия учебников.

Свою позицию по отношению к программе для педучилищ представил и некто М. К. в № 6 журнала за 1940 г. В небольшой по объему статье² автор указывал на явные недостатки программы. Прежде всего это претензия к структуре: всеобщая история дана отдельно от истории СССР, без какой-либо связи и единства. Здесь отметим, что вопрос о подобной структуре регулярно поднимался учеными (даже в послевоенное время), были попытки совмещенного изложения материала, в его защиту выдвигались следующие доводы: воссоздание общей картины в рамках определенного периода особенно ценно, например,

¹ Любимцев М. Н. О программе по истории педагогики для педагогических училищ // Советская педагогика. 1939. № 11—12. С. 166—168.

² М. К. О программе по истории педагогики для педагогических училищ // Советская педагогика. 1940. № 6. С. 131—132.

для изучения истории возникновения и развития педагогики пролетариата как в капиталистическом обществе, так и в СССР, легче устанавливать разного рода заимствования и влияния, воссоздавать общую картину развития в рамках определенного периода, укладывать синхронистическую связь лиц, фактов и событий. Однако в ходе многочисленных обсуждений, а главное — имевшейся практики преподавания, в итоге был сохранен вариант раздельного изучения всеобщей и советской истории педагогики.

Что касается содержательной стороны и самого изложения, то автор сетовал на недостаточное единство общего и частного. Нет убедительного упора на историю школ, слабо представлена целостность развития педагогических идей и практики просвещения. Есть хронологически последовательное освещение педагогов и их высказываний. «Надо сказать, что истории педагогики у нас не получается», есть «галерея отдельных педагогов»¹.

Заметим, что до сих пор подобным изложением грешат и современные учебные пособия: калейдоскопичность образов и эпох, оторванность от конкретного культурно-исторического контекста, отсутствие причинно-следственных связей, не всегда понятная избирательность в выборе того или иного педагога и пр.

Кроме того, М. К. писал о необходимости пересмотра содержания материала. Например, из античной педагогики был исключен Квинтилиан,

хотя его заслуги не подвергались сомнению, напротив, необоснованно большое внимание уделено эпохе раннего средневековья, хотя наиболее значимые для культуры и педагогики явления происходили позже, в эпоху Возрождения, недопонимание «удельного веса этого периода» вызывает удивление. М. К. также указывал на отсутствие сведений о педагогике первобытного времени и древнего Востока, несмотря даже на непомерный объем охваченного в программе материала.

В заключение автор еще раз подчеркивал несоразмерный охват и большую номенклатуру (около 46 лиц), что часто приводит к схематизации, вынужденному сокращению, беглому прохождению материала, это особенно касается истории педагогики СССР, так как она изучается позже всеобщей, что вызывает невольную спешку при изучении.

Таким образом, М. К. в своей статье довольно точно описал проблемные места, касающиеся методики преподавания и структурирования истории педагогики. Некоторые положения актуальны и сегодня, хотя во многом они вызваны иными причинами. Например, в преподавании часто присутствует «портретность», которая оторвана от целостного общественно-педагогического процесса и истории народного образования. Большой объем материала (конечно, несравнимо меньший по отношению к программам того времени), рассчитанный на небольшое количество

¹ М. К. О программе... — С. 131.

часов приводит к беглости и поверхностности изучения, формальному отношению ко многим темам и пр.

Конечно, рассуждения Н. А. Константинова, М. К. Любимцева, Е. Н. Медынского, как и многих других авторов, встроены в рамки идеологического подхода, свойственного педагогике советского периода, однако в публикациях того времени встречаются размышления, способствующие развитию истории педагогики как науки, идет активное обсуждение содержательной стороны этого раздела как учебного предмета, его места в педагогическом процессе.

Это живое обсуждение приводит к определенным изменениям, которые, например, можно увидеть в программе по истории педагогики для пединститутов, переработанной и принятой в 1940 г.¹ В ней учтены недостатки, указанные учеными при обсуждении проекта. Е. Н. Медынский, предваряя своей статьей² программу, подробно остановился на нововведениях. Например, в новой редакции сокращены, опущены или объединены некоторые малозначимые темы и подтемы в курсе всеобщей истории педагогики («Воспитание в родовом Риме», «Воспитание и обучение в VI—XI вв.» и «Воспитание и обучение в XII—XIII вв.» называется «Воспитание и обучение в раннем средневековье» и пр.). А в раздел истории педагогики СССР включены темы «М. В. Ломоносов»,

«Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова», «Педагогические взгляды и педагогическая деятельность А. С. Макаренко». В программу внесены сведения о школьной политике, школьном законодательстве, организации школы, хотя отсутствуют часы на практические занятия.

Е. Н. Медынский представил методологические основания для преподавания истории педагогики, приведя аргументы в пользу изучения данного предмета после ознакомления с теорией педагогики. Заметим, что возможность предварительного (перед теорией) прохождения истории педагогики обсуждалась учеными. Однако именно начальная теоретическая, а не историческая подготовка более важна для усвоения всего курса педагогики, так как студент, уже владея основами теории, сможет сопоставить, вычленить особенности того или иного теоретического положения в историческом контексте. Учащийся в этом случае будет более компетентным, и сама история станет представлять для него больший интерес.

Интересно и такое критическое замечание Е. Н. Медынского. Следуя идеологическим положениям, многие педагоги необъективно относились к истории. Так, если раньше «сугубо и односторонне раскритиковывали педагогов прошлого, то сейчас наблюдается стремление замалчивать некоторые устаревшие черты у того или

¹ Программа по истории педагогики по истории педагогики для педагогических институтов // Советская педагогика. 1940. № 11–12. С. 64–70.

² Медынский Е. Н. Новая программа по истории педагогики для педагогических институтов // Советская педагогика. 1940. № 11–12. С. 57–63.

иного педагога, приукрашивать»¹ их. Так, Коменский «у таких упрощенцев выглядит материалистом, даже как будто он выступал против религии». Такую тенденцию времени, «натяжку» на идеологические установки Е. Н. Медынский, конечно, осуждал, призывая соблюдать историческую перспективу и извлекать наиболее ценное из прошлого, не искажая его.

Однако сам историк педагогики порой также необъективен. Следуя велению времени, он указывал на необходимость «через курс истории педагогики провести идею борьбы народных масс за школу и просвещение» и показать, как «каждая педагогическая система и состояние школы на каждом этапе обусловлены классовой борьбой своего времени»². Именно эти идеологические установки рекомендовал Е. Н. Медынский положить в качестве методологического основания при изучении курса истории педагогики, чтобы избавить его от разрозненности, так как он превратился «в ряд не связанных между собой, самодовлеющих тем, следующих друг за другом только в хронологической последовательности»³. И еще: «История советской школы — это не история ошибок, а история ее достижений. <...> Имевшие же место извращения и ошибки лишь

временно тормозили этот победный путь советской школы»⁴.

Безусловно, методические рекомендации Е. Н. Медынского, как и сама программа, проникнуты духом эпохи, но знакомясь с ними, чувствуешь себя сопричастным тому времени, времени зарождения новой советской историко-педагогической науки.

Вышедший в 1940 г. учебник «История педагогики» для педучилищ под редакцией Ш. И. Ганелина и Е. Я. Голанта стал одним из первых учебных пособий по данной тематике. Обстоятельный обзор этого издания представлен в статье Н. А. Константинова⁵. С радостью приветствуя выход книги, рецензент, однако, в шести объемных пунктах приводит критические замечания, которые улучшили бы содержание и структуру нового учебника. Так, по словам Н. А. Константинова, «налицо изолированность теоретических воззрений отдельных педагогов от школы (и обратно) во многих разделах книги не показаны, не вскрыты целиком взаимосвязь, обусловленность и развитие ряда историко-педагогических явлений»⁶. Автор приводит примеры для подтверждения своих слов (например, недостаточно раскрыто влияние французской просветительской философии и педагогических идей французс-

¹ Там же. С. 59.

² Медынский Е. Н. Новая программа... С. 59.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Константинов Н. А. Ш. А. Ганелин и Е. Я. Голант «История педагогики» // Советская педагогика. 1940. № 10. С. 98–105.

⁶ Там же. С. 99.

кой революции на другие страны). Неглубоко показаны идеи русских революционеров-демократов. Мало отражены опыт и повседневная жизнь (в историческом разрезе) зарубежной и русской школы.

Кроме того, Н. А. Константинов указывает на определенные перегибы в поведении учителей и чиновников от образования в царской России. «Даже обычные характеристики учителей-«классиков» как зверей, а их уроков как сплошных издевательств, не всегда является правильными»¹. Не так уж редко встречались честные люди, гуманные, ответственные педагоги. Подобные перегибы встречаются и в оценке педагогической мысли и школьной практики в буржуазных странах. «Такой безоговорочно отрицательный подход неверен», а иногда, наоборот, «снимается со счетов борьба за знания рабочего класса и передового крестьянства в Европе и Америке»².

Рамки статьи не позволяют перечислить все критические замечания, однако даже приведенные позволяют увидеть объективность критики, хотя авторы и рецензент стоят на выверенных партийно-классовых позициях.

Публикация Г. Е. Жураковского³ в № 2 за 1941 г. является последней довоенной работой, посвященной истории педагогики. В данной статье профессор предлагает тематику для диссертационных работ по истории педагогики, одобренную Экспертной

комиссией по педагогическим наукам Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, а также описывает проблемы, возникающие при работе над историко-педагогическими исследованиями. Например, существуют так называемые «излюбленные» темы, связанные с Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым, над которыми работают без учета прошлых достижений. Эта порочность тематики ведет к однобокости, недостаточности работ по истории советской школы. Кроме того, тематика молодыми учеными часто берется без учета архивных и печатных материалов, а работа над диссертацией превращается в учебное упражнение на научные темы.

Закончить обзор публикаций данного периода необходимо статьей Г. Е. Жураковского «Некоторые вопросы преподавания истории педагогики» (1943, № 11–12), которая хотя и выходит за установленные нами рамки довоенного периода, но тем не менее по своему содержанию является его достойным логическим завершением. Автор затрагивал наиболее проблемные места в преподавании истории педагогики.

Во-первых, в очередной раз встал вопрос о статусе данного раздела педагогической науки: является ли история педагогики исторической или педагогической наукой? Это не праздный вопрос, потому что до сих пор (в 1940-гг.), по словам автора, в

¹ Там же. – С.101.

² Константинов, Н. А. Ш. А. Ганелин и Е. Я. Голант «История педагогики» С. 102.

³ Жураковский Г. Е. Тематика кандидатских диссертаций по истории педагогики // Советская педагогика. 1941. № 2. С. 122–124.

некоторых университетах соискателям присуждались степени доктора исторических наук, хотя работу они выполняли по истории педагогики. Подобное можно видеть и в сборниках статей, где совместно даны работы по гражданской истории и истории педагогики. Г. Е. Жураковский не допускал мысли о рассмотрении педагогики вне исторической связи и обусловленности и однозначно утверждал, что «педагогика может быть признана полноправной наукой только на основе всестороннего изучения ее исторических корней, т. е. на базе создания истории педагогики»¹.

Во-вторых, до сих пор дискуссионным являлся вопрос о порядке преподавания теории и истории педагогики. Последняя в силу специфики своего предмета непосильно трудна для студентов первого курса, поэтому теория педагогики должна предшествовать истории и задавать базовые положения. Кроме того, Г. Е. Жураковский отмечал, что не во всех педагогических вузах еще введена история педагогики как учебный предмет, так, например, в планах Московского университета нет ни одного историко-педагогического курса, однако наша наука «стихийно просачивается сквозь толстые академические стены под дымовой завесой всеобщей истории»².

В-третьих, в период Великой Отечественной войны сильно возрос

интерес к русской истории и культуре, поэтому необходимо обратить внимание и на развитие русской педагогики, которая нередко скучна и безлична в изложении. Задачей для советских историков педагогики «является выдвигание новых проблем и новых имен, подчеркивающих и утверждающих поступательное движение русской культуры»³, борьба за «укрепление здорового советского патриотизма, основанного на отчетливом осознании тех богатств, которым человечество обязано нашему народу в его многовековой истории»⁴. Эта цитата из работы Г. Е. Жураковского ясно показывает изменения в общественном сознании, вызванные прежде всего героической борьбой с фашизмом, когда произошла переоценка собственной истории. В связи с этим большая часть статьи посвящена восстановлению в правах и описанию интересных, но малоизвестных фактов из истории русской школы.

Например, «Поучение» Владимира Мономаха, по мнению французского историка Эрнеса Дени, является величественным русским памятником, «грустным и благородным завещанием славянского Марка Аврелия», призывающим к единению, в отличие от раздробленного германского мира. Е. Г. Жураковский приводит интересные факты об обучении студентов из Киева в Парижском университете, а иностранных граждан — в Киевской

¹ Жураковский Г. Е. Некоторые вопросы преподавания истории педагогики // Советская педагогика. 1943. № 11–12. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 26.

академии. Необходимо показать, что в XVIII в. Россия стояла на первом месте в Европе в деле организации женского образования. Несмотря на все недостатки, русские женские институты были куда благороднее и лучше французских пансионов. Принципы, положенные в основу первых русских школьных уставов, выдвигали Россию в одно из первых мест в международной истории школы. В отделе «Персоналия» также необходимо показывать целостность наследия великих русских педагогов, не разделяя их творчество на только педагогическое или художественное, как это происходит с Л. Н. Толстым, литературные произведения которого также содержат много размышлений по вопросам образования.

В целом, в статье уже нет той воинствующей идеологичности, которая во многом отличала публикации данного периода, отношение к зарубежной педагогике стало более сдержанным, автор, напротив, указывает на недостаточное количество работ, освещающих американскую, английскую и французскую школы. В методологии надо сойти с «германоцентрической» точки зрения на всемирный исторический педагогический процесс, больше внимания уделять собственной истории и увеличивать научные исследования по истории советской педагогики и школы.

Таким образом, мы видим, как на страницах «Советской педагогики»

освещались разные стороны истории педагогики как науки и учебного предмета: обсуждались программы и учебники, рассматривалась методология науки и структура учебного предмета и пр.

Советский период развития отечественного образования является одной из страниц его истории. В первом в мире социалистическом государстве был реализован процесс подготовки широко образованного трудящегося человека в системе народного просвещения. Была выстроена сложная, развивающаяся, разносторонняя система народного образования по подготовке молодых поколений к жизни в советской стране.

В этот период начинает выстраиваться и советская педагогическая наука, в основу которой положены новые идеологические установки и требования времени. Не избежала идеологизации и история педагогики, основным методологическим базисом которой стал принцип партийности. Историю педагогики стали рассматривать сквозь призму классово-борьбы и также оценивать историческую «благонадежность» и пригодность деятелей педагогики прошлого. Все это вызвало необходимость создания новых программ и учебников, обсуждение которых активно велось на страницах «Советской педагогики» как идейного проводника образовательной политики государства.

Список литературы

1. Веселов, А. Н. Практические занятия по истории педагогики / А. Н. Веселов // Советская педагогика — 1938. — № 11. — С. 87–91.
2. Жураковский, Г. Е. Некоторые вопросы преподавания истории педагогики / Г. Е. Жураковский // Советская педагогика. — 1943. — № 11–12. — С. 23–27.
3. Жураковский, Г. Е. Тематика кандидатских диссертаций по истории педагогики / Г. Е. Жураковский // Советская педагогика. — 1941. — № 2. — С. 122–124.
4. Константинов, Н. А. Некоторые замечания к проекту программы по истории педагогики для педагогических институтов / Н. А. Константинов // Советская педагогика. — 1939. — № 5. — С. 60–64.
5. Константинов, Н. А. «История педагогики» / Н. А. Константинов, Ш. А. Ганелин, Е. Я. Голант // Советская педагогика. — 1940. — № 10. — С. 98–105.
6. Любимцев, М. Н. О программе по истории педагогики для педагогических училищ / М. Н. Любимцев // Советская педагогика. — 1939. — № 11–12. — С. 166–168.
7. М. К. О программе по истории педагогики для педагогических училищ / М. К. // Советская педагогика. — 1940. — № 6. — С. 131–132.
8. Медынский, Е. Н. Новая программа по истории педагогики / Е. Н. Медынский // Советская педагогика. — 1938. — № 10. — С. 81–82.
9. Медынский, Е. Н. Новая программа по истории педагогики для педагогических институтов / Е. Н. Медынский // Советская педагогика. — 1940. — № 11–12. — С. 57–63.
10. О задачах журнала // Советская педагогика. — 1937. — № 1. — С. 10–13.
11. О педологических извращениях в системе Наркомпросов // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А. А. Абакумов и др. — М.: Педагогика, 1974. — С. 173–175.
12. Объяснительная записка к программе по истории педагогики // Советская педагогика. — 1938. — № 10. — С. 83–85.
13. Программа по истории педагогики для педагогических институтов // Советская педагогика. 1940. — № 11–12. — С. 64–70.
14. Проект программы по истории педагогики для педагогических институтов // Советская педагогика. — 1938. — № 10. — С. 86–93.
15. Чистяков, В. И. К вопросу о программе и преподавании истории педагогики в педучилищах / В. И. Чистяков // Советская педагогика. — 1937. — № 4. — С. 99–103.